

УДК 316.4.066**Социальные коды общественных практик в России****Щёлоков Денис Викторович**

Кандидат социологических наук, доцент,
Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский просп., 99;
e-mail: dshelokov@mail.ru

Аннотация

Реалии отечественного социума актуализируют деятельностный аспект повседневного бытия. Это предполагает, в том числе, и трансформацию социальных практик, как его неотъемлемой части. Будучи тесно связанными с ценностно-нормативной системой общества, они чутко реагируют на любые её изменения. Подобное выражается в смыслах, вкладываемых как в действия, так и в практические схемы их реализации. Не меньшее значение при этом имеют её глубинные элементы, составляющие социальные коды конкретного общества. Таковыми являются специфические смысловые образования, регулирующие взаимоотношения в контексте актуального социального порядка. Это позволяет трактовать социальные практики как значимую часть общественных отношений. Обращение к ним в критические моменты исторического развития способствует сохранению социальной системы как целостного образования.

В заключении делается вывод о том, что в настоящее время происходит возврат к естественным для российского общества практикам социального взаимодействия. Находящиеся в их основании коды актуализируют архаические элементы социального бытия, что позволяет отечественному социуму находиться в естественной для него системе ценностных координат. Это способствует повышению устойчивости к внешним воздействиям как социальной системы в целом, так её и отдельных элементов. Наметившиеся трансформационные тенденции обнаруживают движение в направлении конкретизации центров, четких принципов и элементов системы власти, ясной последовательности действий в различных ситуациях.

Для цитирования в научных исследованиях

Щёлоков Д.В. Социальные коды общественных практик в России // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 4А. С. 54-62.

Ключевые слова

Социальные практики, трансформации, ценностная система, социальные коды, общественные отношения, нормы.

Введение

Человек выделяется из естественного окружения посредством осознания себя как самостоятельной единицы. На этой основе происходит реализация упорядоченной

целенаправленной деятельности в форме повторяющихся повседневных практик, влияющих на окружающую реальность в актуальном контексте. Именно последний детерминирует человеческие практики как интерсубъективный элемент формирующий, наравне с другими, социальную реальность как совокупность актов взаимодействия, упорядоченную господствующими смыслами и значениями. Таковые наполняются содержанием в результате коммуникации – совокупности актов, направленных на передачу значимой информации между взаимодействующими элементами. Расширяя пространство жизненного мира, она обеспечивает взаимопонимание посредством использования общих для членов социума культурных кодов, норм и ценностей. Подобное представляет собой основание для солидарности – единства убеждений и действий, способствующих достижению групповых целей. Упорядочивая практические аспекты социальной реальности, она формирует условия для образования социального института – организованной системы связей и социальных норм, объединяющей значимые общественные ценности и процедуры, способствующие удовлетворению актуальных потребностей социума. Он не только реализует порядок в соответствии с содержанием норм, ценностей и символов, но и детерминирует коды социальных практик. Таковые представляют собой систему условных знаков и символов, применяемых для передачи информации, значимой для реализации качественного процесса взаимодействия между элементами социальной реальности [Кройтор, 2017, с.186].

Основное содержание

Формирование последней основывается на разнообразных связях между символическими элементами и конкретными социальными практиками. Подобное представляется базой одного из основополагающих процессов – институционализации. В его контексте происходит, в том числе и идентификация на различных уровнях социального бытия. В случае же нарушения возникают и стремительно развиваются трансформации, связанные с распадом традиционных устоев культуры, религии, общинных и семейных ценностей. Конечной точкой данных процессов является “атомизация общества”, детерминирующая новое содержание смысла жизни как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне их различных объединений. Утраченные смысловые порядки заменяются новыми, которые не всегда устойчивы в наличествующих исторических условиях.

Трансформации обозначенных аспектов и становление нового порядка связаны с преодолением внешних, нередко негативных, воздействий. Таковые представляют собой влияние экзогенных факторов, результаты которого вступают в противоречие с внутрисистемными нормами, правилами и иными элементами, влияющими на эндогенный порядок. При этом для сохранения системной целостности, активизируется власть, как способность влиять на различные условия, в которых существует социальная система, вне зависимости от силы их воздействия. Власть трансформирует способы формирования видения мира членами социальной системы, что детерминирует содержание практик их взаимодействия [Сычугов, 2012, с.46]. Подобные изменения способствуют повышению скорости и качества реакций системы на экзогенные факторы, что повышает её выживаемость. В тоже время, социальные практики, реализуемые в контексте трансформаций в современных российских условиях, актуализируют раскол между идеальными моделями хозяйственных практик и их идеологическим (символическим) обоснованием. Ярким примером этого является господство в России в 1990–х и начале 2000-х гг. стереотипов потребления и личной выгоды. Следствием

такого порядка стала трансформация механизма трудовых практик и содержания их мотивации в направлении снижения значимости нравственных оснований с превалированием аспекта сиюминутной выгоды. И хотя, будучи привнесенными из западных социумов, обозначенные элементы социальной реальности не только не прижились в новых условиях российского порядка, тем не менее, повлекли негативные последствия от насильственного внедрения и реализации [Решетников, Кармадонов, 2012, с.136-138].

Это отложило определенный отпечаток на порядок структурирования отношений как в контексте физического пространства, так и в контексте социальной реальности. Последнее выражается в трансформации форм чувственности, которые связаны со структурой языка и иными символическими структурами. В контексте исторических событий в России это проявилось в многочисленных лингвистических заимствованиях, что отразилось на системе кодов, представляющей модель формирования конкретных тематических сообщений, обеспечивающую взаимосвязи между элементами социальной реальности [Горин, 2011, с.236-239]. Реализуясь в контексте отношений, такие коды включают в себя общепринятые элементы организации взаимодействия с учетом особенностей господствующей культуры. Содержащиеся в них нормы и ценности детерминируют механизм реализации социальных практик, который обеспечивает стабильность различных общественных систем конкретного социума. Реализуемый при этом социальный порядок основывается на наличествующем опыте взаимодействия, содержащем вариативные интерпретации господствующих символов.

В целом, по мере развития человеческих взаимоотношений и обозначенного порядка формировались сложные социальные практики. Это предполагало дифференциацию представлений о мире в контексте отчуждения индивида от орудий труда, отношений к собственности, от другого индивида и от своей сущности по причине эксплуатации людьми друг друга в силу неравных жизненных условий. Обозначенная проблематика осмысливалась такими философами как Г. Гегель и К.Маркс в контексте приобретения результатами человеческой деятельности субъективных черт. При этом человек, по трактовке другого философа, М.Хайдеггера, становится “бездомным”, что формирует напряженность между конечностью жизни и бесконечностью бытия. Её снятие заключается в организации условий, при которых открывается путь к спасению. Оно есть суть стабильности, достигаемой посредством предсказуемости содержания событий или процессов. По этой причине человек формирует различные объединения с себе подобными, самым масштабным из которых является социальный институт. В их границах содержание и формы реализации социальных практик получают новые наполнения.

Одним из ресурсов для достижения баланса в общественных взаимоотношениях представляется власть. Её различные проявления способствуют обеспечению связи между мирскими и сакральными порядками. При этом реальные способы достижения ожидаемого состояния социума представляются вариантами снятия напряженности между наличествующим и идеальным порядками. Совокупность необходимых для этого действий закреплена в социальных практиках. Однако в российском обществе не сформировались достаточные условия для разрешения обозначенного противоречия. Слабость символических аспектов достижения идеального или близкого к нему порядка имели своим следствием разобщение социальных групп. Для преодоления обозначенного положения централизация власти и жесткая политика достижения значимых целей общественного развития были оптимальными социальными практиками [Стожко, 2002, с.358]. По этой причине отсутствовали объективные возможности реализации проектов социальных преобразований, отличных от официально одобренных.

Исторические события начала XX в. в России являются столкновением представлений о сущностном содержании социального идеала и способах его достижения. Используемые при этом коды представляли собой соединение пространственных и временных аспектов. Первые есть специфика идеальных образов в контексте актуального порядка социальной реальности. Вторые – культурологические особенности деления на прошлое, настоящее и будущее. Однако в России обозначенные аспекты не были частями единого, последовательно реализуемого процесса. Осуществляемые с 1917 г. в рамках большевистской идеологии прорывы блокировали любые модернизации наличествующего порядка и предполагали коренные трансформации социальной реальности [Бабосов, 2023, с.36]. В результате модель мироустройства была разрушена агрессивной идеологией, не предполагавшей, однако, ничего взамен, кроме концепции “вечного боя” и перманентной борьбы. Именно в контексте постоянного преодоления преград формировалась и действовала социальная реальность в Советской России. Подобное положение нашло отражение в культурных и идеологических кодах посредством актуализации момента противостояния различным внешним, а иногда и, как следствие, внутренним угрозам [Кройтор, 2017, с.188].

Именно обозначенное содержание детерминировало направление деятельности государства и его элементов в течение длительного периода существования советской власти в России. Действуя, в том числе, и как механизм подавления, оно актуализировало, в первую очередь, социальные практики, направленные на материальный аспект бытия. По этой причине власть апеллировала в основном к низшим слоям, занятым в непосредственной производственной деятельности. Такой союз составлял социальную основу советского режима.

В отличие от западных устоев в отечественном социуме всегда наличествовала поляризация в общественных отношениях. Это правомерно как для правящих групп, так и деления общества в целом. В тоже время, в рамках процесса властной централизации произошло слияние духовной и светской составляющих, что нашло отражение в развитии практик сакрализации верховной власти. Наиболее ярким примером этого являются её интерпретации, реализованные при правлении Ивана IV Грозного и И.Сталина.

Отдельным аспектом отечественных социальных практик представляются взаимодействия властного Центра и периферии.

Их специфика заключается в трактовке механизмов регуляции исключительно как способов влияния государства на социум. В таком контексте Центр представляется не только элементом, осуществляющим механическое воздействие. Через него государство легитимизирует символическое влияние посредством формирования идеологической модели социального порядка. Реализуя вертикально-патерналистское воздействие, оно придает соответствующее смысловое наполнение системе взаимодействия. Формируемая при этом универсализация управленческих практик, как разновидности социальных, унифицировала национальные особенности регулирования общественных отношений. Структуралистские воздействия Центра вступали в динамические противоречия с периферийным разнообразием социальных практик. Имея некоторую степень автономности, отдельные регионы обнаруживали социокультурные асинхронности. Следствием этого было усиление различий между элементами государственно-территориального устройства по многим аспектам социального бытия, а также трансформация практик целенаправленного влияния для повышения степени объективности регулирования общественных процессов.

Не меньшее значение в указанном контексте имеет содержание социально-политических практик. Таковое детерминируется противоречиями между идеальной моделью и реальным

положением дел в области социального порядка и реализуемых в его контексте отношений. При этом происходят периодические “откаты” к старым порядкам как реакция периферии на некоторые решения Центра. Это есть следствие недоучета многих региональных особенностей организации социального порядка по причине “усредненности” изначальной модели.

Подобная специфика влияет на характер управленческих практик в масштабе российского государства. Центр контролирует ситуацию на местах посредством уменьшения объемов властных полномочий у региональных элит. Кроме этого, Центр стремится к разобщению последних с выразителями интересов общественности. При широком развитии подобных процессов происходит утрата Центром легитимности по причине социокультурных кризисов, являющихся следствием недоучета местных интересов. В таких условиях происходит трансформация центр-периферийных отношений и соответствующих им социальных практик в направлении актуальных запросов региональных обществ. Следствием этого является изменение системы общественных ценностей, что непременно отражается на содержательном аспекте процессов взаимодействия на уровне малых групп и межличностном уровне [Горбунов, Окладникова, 2021, с.64]. Как показывают многочисленные примеры из отечественной истории, при таких условиях возможны резкие переходы индивидов из одной социальной группы в другую, что сопровождается сменой системы ценностей и практик взаимодействия. Если приток новых членов в группу происходит слишком быстро, и они не успевают усвоить существующие ценности и освоить наличествующие социальные практики, то происходит замена данных элементов, на содержательно соответствующих ориентациям подавляющего большинства новых членов. На этом фоне социальные практики трансформируются с учетом актуальных ценностей и запросов индивидов в наличествующих условиях. Отход от общепринятых норм оборачивается разрушением ценностных ориентаций и маргинализацией социальных отношений.

Произошедший в 1990-х – начале 2000-х гг. раскол ценностной системы основывался на слабости её “срединных” элементов. Это выражалось в стремлении к поляризации не только культурных, но и поведенческих аспектов социальной реальности. Так, например, в критические моменты общественного развития нормой становятся практики поиска личной выгоды, а не деятельность по поддержанию стабильности социума. Повышение их рациональности представляется объективной реакцией системы на снижение устойчивости внутренних процессов. Реализуемый при этом деятельностный потенциал общественных отношений актуализировал самовоспроизводство социальных механизмов, обеспечивающих устойчивость повседневной социальной реальности. Происходящие при этом локальные трансформации привычных действий, зарождение новых и отмирание старых социальных практик влекут частичные или полные изменения общественных отношений [Кройтор, 2017, с.38].

Культурно-исторический контекст российской социальной реальности в обозначенный период актуализировал проблематику выживания населения без значительной помощи со стороны государственных структур. В таких условиях получили распространение и закрепление в системе общественных отношений практики повседневной жизни без надежды на стороннюю помощь в разрешении актуальных проблем. Подобное противоречило традициям отечественной культуры во взаимопомощи и соборности, следствием чего стало распространение философии нелиберализма и соответствующих практик взаимоотношений. Это привело к потребительскому буму и дисбалансу в распределении экономических благ [Решетников, Кармадонов, 2012, с.125-127]. В результате отечественная система ценностей была частично

заменена на западную, что выразилось в распространении нравственного эгоизма, интеллектуальной ограниченности, безответственности во властной иерархии. Произошла трансформация таких социальных кодов как “справедливость” и “благополучие” в направлении индивидуалистического гедонизма при занижении (а, нередко, и отрицании) роли государства в качестве регулятора экономических и социальных процессов. Это детерминировалось разностью смыслового содержания социального кода “качество жизни” в западной и отечественной культурах.

Развитие процессов самоутверждения, получения и расширения власти над другими, превалирование потребления над созиданием трансформировали содержание социальных практик в направлении эгоцентризма. Однако при их реализации конкретный индивид воспринимает других членов общества как конкурентов на пути достижения значимой для него цели [Стожко, 2002, с.86]. Используя их в различных формах, человек теряет свою индивидуальность, что значительно ограничивает его действия, мысли, эмоции. Они становятся направленными на достижение победы любой ценой. Подобное вступает в противоречие с господствующими в отечественном социуме принципами общности, что нередко создает конфликты при взаимодействии на различных уровнях.

Так, согласно результатам опроса, проведенному Аналитическим центром НАФИ в июне 2022 г. социальный (культурный) код представляет собой совокупность норм поведения и воспитания (11% от общего числа опрошенных), традиций (10%), менталитета (9%), исторической памяти (7%), единых ценностей (4%), веры/духовности/религии (4%). Наиболее значимыми средствами его передачи являются народное творчество (36%), музыка (30%), изобразительное искусство (27%). Результаты другого опроса, проведенного ВЦИОМом в октябре того же года показывают, что наиболее выдающимися личностями прошлого россияне считают А.С. Пушкина (21%), Петра I (20%) и И. Сталина (17%). Таким образом, очевиден запрос населения на жесткие (а иногда - жестокие) социальные практики наведения порядка в социуме, которое устало от порядка, порождаемого западной моралью отношений.

В этой связи приобретают особую значимость меры, предпринятые российским государством для защиты базовых ценностей. Так, в указе Президента Российской Федерации № 16 666 от 19 декабря 2012 г. актуализируется содержание Стратегии государственной национальной политики. А в указе Президента Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. формулируются 16 основных компонентов культурного (социального) отечественного кода. Основные ресурсы и направления деятельности по его укреплению содержатся в указе Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. Таким образом, становится очевидным, что проблематика практической реализации мер по сохранению и развитию российского культурного (социального) кода составляет сегодня одно из стратегических направлений государственной политики. Влияние сложной экономической, политической, культурной и информационной ситуаций оказывает качественное воздействие на данный элемент социальной реальности. Это проявляется в трансформации его содержательного аспекта и схем практической реализации.

Заключение

Таким образом, очевидно, что в настоящее время происходит возврат к естественным для российского общества практикам социального взаимодействия. Находящиеся в их основании коды актуализируют архаические элементы социального бытия, что позволяет отечественному

социуму находится в естественной для него системе ценностных координат. Это способствует повышению устойчивости к внешним воздействиям как социальной системы в целом, так её и отдельных элементов. Наметившиеся трансформационные тенденции обнаруживают движение в направлении конкретизации центров, четких принципов и элементов системы власти, ясной последовательности действий в различных ситуациях. Всё это формирует новую среду для развития стабильных отношений, которые уже частично существуют. Успешность обозначенных процессов зависит, в немалой степени, от понимания наличествующей в обществе ситуации руководством всех уровней управленческой иерархии.

Становление нового содержания социальных практик представляется сложным процессом. Это детерминируется его качественной направленностью и масштабом охвата элементов социальной реальности. Основываясь на нормах и традициях российского общества, соответствующие тенденции стабилизируют его в ситуации влияния внешних факторов. Учет данного обстоятельства в практиках целенаправленного регулирования социальных процессов будет способствовать повышению качества получаемого результата. Обозначенный аспект необходимо закладывать в различные программы развития отечественного социума.

Библиография

1. Бабосов Е.М. Культурный код нации: бережное воспроизводство прошлого и устремленность в будущее // Научный журнал “Экономика. Социология. Право”. 2023. № 1(29). с. 35 – 39.
2. Горбунов Г.Ф., Окладникова Е.А. Российские культурные коды “справедливость” и “благо/благополучие”: трансформация под воздействием образовательных, экономических и политических факторов // Известия РГПУ им А.И.Герцена. 2021. № 201. с. 63 – 75.
3. Горин Д.Г. Производство смысла и коды социального опыта в России. URSS. 2011. 352 с.
4. Кройтор С.Н. Методологические основания социологического изучения социокультурного кода // Социологический альманах. 2017. № 8, с.186 – 192.
5. Решетников В.А., Кармадонов О.А. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984 – 2011 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 345 с.
6. Стожко К.П. Экономическое сознание. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та., 2002. – 426 с.
7. Сычугов С.С. Проблема норм и ценностей в процессе социальной трансформации // Вестник МГОУ Серия “Философские науки”. 2012. № 4, с.44 – 49
8. Baixauli-Olmos L. Ethics codes as tools for change in public service interpreting: symbolic, social and cultural dimensions //The journal of specialised translation. – 2017. – Т. 28. – №. 8. – С. 250-272.
9. Nelson V., Martin A., Ewert J. What difference can they make? Assessing the social impact of corporate codes of practice //Development in Practice. – 2005. – Т. 15. – №. 3-4. – С. 539-545.
10. Vrielink M. J. O., van Montfort C. J. Codes of ethics and codes of practice //International Encyclopedia of civil society. – Springer, 2009. – С. 492-497.

Social codes of public practices in Russia

Denis V. Shchelokov

PhD in Sociology,
Associate professor,
State University of Management,
109542, 99, Ryazansky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dshelokov@mail.ru

Denis V. Shchelokov

Abstract

The realities of domestic society actualize the activity aspect of everyday life. This presupposes, among other things, the transformation of social practices as an integral part of it. Being closely connected with the value-normative system of society, they are sensitive to any changes in it. This is expressed in the meanings attached both to actions and to practical schemes for their implementation. No less important are its deep elements that make up the social codes of a particular society. These are specific semantic formations that regulate relationships in the context of the current social order. This allows us to interpret social practices as a significant part of social relations. Appeal to them at critical moments of historical development contributes to the preservation of the social system as an integral entity.

In conclusion, it is concluded that at present there is a return to the practices of social interaction that are natural for Russian society. The codes at their base actualize the archaic elements of social existence, which allows the domestic society to be in its natural system of value coordinates. This helps to increase the resistance to external influences of both the social system as a whole and its individual elements. The emerging transformational trends reveal a movement towards concretization of centers, clear principles and elements of the power system, and a clear sequence of actions in various situations.

For citation

Shchelokov D.V. (2024) Sotsial'nye kody obshchestvennykh praktik v Rossii [Social codes of public practices in Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (4A), pp. 54-62.

Keywords

Social practices, transformations, value system, social codes, social relations, norms.

References

1. Babosov E.M. Cultural code of the nation: careful reproduction of the past and aspiration to the future [Kul'turnyy kod natsii: berezhnoye vosproizvodstvo proshlogo i ustremlennost' v budushcheye]. *Nauchnyy zhurnal "Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo"* = Scientific journal "Economics. Sociology. Right". 2023. No. 1(29). Pp. 35 – 39.
2. Gorbunov G.F., Okladnikova E.A. Russian cultural codes "justice" and "welfare/well-being": transformation under the influence of educational, economic and political factor [Rossiyskiye kul'turnyye kody "spravedlivost'" i "blago/blagopoluchiye": transformatsiya pod vozdeystviyem obrazovatel'nykh, ekonomicheskikh i politicheskikh faktorov]. *Izvestiya RGPU im A.I.Gertsena* = News of the Russian State Pedagogical University. 2021. No. 201. Pp. 63 – 75.
3. Gorin D.G. Proizvodstvo smysla i kody sotsial'nogo opyta v Rossii [Production of meaning and codes of social experience in Russia]. URSS. 2011. 352 p. (In Russ.).
4. Kroitor S.N. Methodological foundations for the sociological study of the sociocultural code [Metodologicheskiye osnovaniya sotsiologicheskogo izucheniya sotsiokul'turnogo koda]. *Sotsiologicheskiy al'manakh* = Sociological almanac. 2017. No. 8. Pp. 186 – 192.
5. Reshetnikov V.A., Karmadonov O.A. Simvol i transformatsiya: sotsial'nye smysly rossiyskogo obshchestva epokhi peremen (1984 – 2011 gg.). [Symbol and transformation: social meanings of Russian society in the era of change (1984 – 2011)]. ISU Publishing House. 2012. 345 p. (In Russ.).
6. Stozhko K.P. Ekonomicheskoye soznaniye. [Economic consciousness]. Publishing house Ural. Univ. 2002. 426 p. (In Russ.).
7. Sychugov S.S. The problem of norms and values in the process of social transformation [Problema norm i tsennostey v protsesse sotsial'noy transformatsii]. *Vestnik MGOU Seriya "Filosofskiyey nauki"* = Bulletin of MGOU Series "Philosophical Sciences". 2012. No. 4, Pp. 44 – 49.
8. Baixauli-Olmos, L. (2017). Ethics codes as tools for change in public service interpreting: symbolic, social and cultural dimensions. *The journal of specialised translation*, 28(8), 250-272.

9. Nelson, V., Martin, A., & Ewert, J. (2005). What difference can they make? Assessing the social impact of corporate codes of practice. *Development in Practice*, 15(3-4), 539-545.
10. Vrielink, M. O., & van Montfort, C. J. (2009). Codes of ethics and codes of practice. In *International Encyclopedia of civil society* (pp. 492-497). Springer.